

Отец уехал на родину, и Ли Шэнъянь вновь с головой погрузился в работу. Время летело стремительно. К середине двенадцатого лунного месяца большая часть заказа была уже готова, до полного завершения оставалось от силы полторы недели.

Дела продвигались быстрее, чем ожидалось, поэтому Чжан Фуян и Лю Хао вновь начали мотаться по клиентам, нарабатывая базу заказов на будущий год. Как-то раз Лю Хао выкроил время и съездил в гости к Лу Чжаньбаю. Вернувшись, он без умолку, взяв хлеб расписывал, насколько роскошна и величественна усадьба молодого господина Лу. Эти хвастливые излияния не прекращались несколько дней подряд. Ко всему прочему, Хао-цзы божился, что своими глазами видел младшую сестру Чжаньбая, Лу Чжаньлань. Мол, девица хороша до невозможности — вылитая Си Ши или воскресшая Ян-гуйфэй. От этих рассказней у парней глаза на лоб лезли, а слюнки текли ручьем.

Ли Шэнъянь и сам давно не видел Лу Чжаньлань — с тех самых пор, как ушел из дома Чжаньбая.

«Интересно, как она там? Всё ли у неё хорошо?»

Стоило ему вспомнить о Лу Чжаньлань, как сердце предательски замирало. В памяти невольно всплывало её лицо, её изящный силуэт, мимика, голос... и та безумная ночь.

А вот Лу Чжаньбай повадился наведываться к ним в офис чуть ли не каждый день. Он быстро сошелся со всеми сотрудниками, но особенно близко — с Лю Хао. Два сапога пара, не иначе. Лю Хао обожал хвастаться перед Чжаньбаем своим лихим прошлым, а тот слушал его с открытым ртом, точно заправский любитель площадных баек. Ещё они часами спорили о дорогих машинах, спорте, военных кампаниях. И пускай в их рассуждениях концы с концами не сходились, оба получали от этого колоссальное удовольствие. Но главной, неисчерпаемой темой оставалась выпивка — казалось, эти двое родились в винной бочке.

Пару раз Чжаньбай силком утаскивал Ли Шэнъяня и Лю Хао в бары — кутить со своими собутыльниками. Вспоминая эти загулы, Шэнъянь до сих пор невольно содрогался. Сам Чжаньбай хмелел мгновенно, но с каким-то упрямым остервенением надирался до беспамятства. Глядя, как тот засыпает лицом в салате, Шэнъянь иногда думал, что у этого избалованного барчука на душе тоже скребут кошки. Раньше он непременно расспросил бы его, попытался помочь. Но теперь, зная о чувствах Чжаньбая, Шэнъянь не хотел, да и попросту боялся лезть к нему в душу, опасаясь наломать дров.

Впрочем, Чжаньбай больше ни разу не заводил деликатных разговоров, будто напрочь забыл о своих притязаниях, и общался с ним как ни в чём не бывало. Характер у парня тоже заметно исправился. Чаще всего он пребывал в благодушном настроении, так и вился вокруг Шэнъяня, предупреждая любое его желание. Порой Шэнъяню надоедала эта навязчивая забота, и он ворчал, но Чжаньбай тут же отшучивался: мол, это строгий наказ батюшки, так что долг велит исполнять. К тому же Чжаньбай клятвенно обещал, что в будущем году «Динсинь» завалит их

еще более крупными контрактами и поможет расширить производство. Шэнъань верил ему — возможностей и связей у молодого наследника действительно хватало.

Постепенно отношение Шэнъаня к Чжаньбаю потеплело. Не будь у того этих странных притязаний и капризного барского норова, из него вышел бы превосходный товарищ. Да, бездельник, но начитанный; шалопай, но не лишенный благородства; любящий пустить пыль в глаза, но по-детски непосредственный и милый.

Под стать внезапно разгулявшейся в Шэньчжэне ясной, теплой погоде, жизнь Ли Шэнъаня вновь вошла в спокойное и мирное русло.

Идиллию нарушил неожиданный телефонный звонок. На том конце провода была Мэриан — женщина, оставившая в жизни Ли Шэнъаня неизгладимый, глубокий след. Они условились встретиться в тихой кофейне.

Войдя в заведение, Ли Шэнъань сразу заметил Мэриан. Она сидела за залитым солнцем столиком у окна, нежась в теплых лучах и неторопливо потягивая кофе. На ней было вызывающее черное кожаное платье, полностью обнажавшее плечи. Каскад иссиня-черных волнистых волос спадал на лопатки. Тонко выведенные брови, густой смоки-айз, алые, точно спелая вишня, губы и безупречный тон лица искусно скрадывали ее тридцать с хвостиком лет, возвращая ей былую дерзкую, хищную привлекательность.

Ли Шэнъань подошел и молча сел напротив. Некоторое время они разглядывали друг друга, безмолвно подмечая следы, которые оставило на них время.

Наконец Мэриан извлекла из пачки тонкую сигарету, изящно прикурила и, выпустив колечко сизого дыма сквозь пухлые губы, спросила:

— Энди, как ты? Столько лет не виделись... Как поживаешь?

Ли Шэнъань на мгновение замялся. Этот бархатистый голос, эти интонации — всё было до боли знакомо, точно они расстались только вчера. Он-то думал, что давно вычеркнул прошлое из жизни, похоронил навеки. Но стоило ей заговорить, как плотину прорвало, и воспоминания хлынули неудержимым потоком. Память сохранила каждую мелочь.

— Нормально, — ответил Ли Шэнъань. — Живу тихо, спокойно. Именно так, как всегда хотел. А ты? Как у тебя дела?

Мэриан тихонько рассмеялась и стряхнула пепел:

— Да тоже грех жаловаться. Нашла себе нового покровителя. Всё как обычно, кручусь в тех же кругах.

Снова повисло молчание.

Шэнъань уловил в ее словах едва различимую горечь и фатализм. Всё-таки они прожили бок о бок почти год, и пускай он не знал её до конца, за это время они успели прирасти друг к другу. Но что он мог сказать ей теперь? Любые слова были бессмысленны. Каждый сам выбирает свой путь и несет свой крест. Прошлого не воротишь, да и реальность словами не изменишь.

— Не ожидала увидеть тебя на том банкете, — нарушила тишину Мэриан. — Ты очень изменился. Стал взрослым, солидным. Я хотела разыскать тебя раньше, да всё никак не решалась позвонить.

— Да какая разница, — поддержал он разговор. — Что было, то быльем поросло. Главное — знать, что у тебя всё в порядке. Ты тоже изменилась, Мэриан. Стала серьезнее, рассудительнее.

— Скажешь тоже... Старею, — горько усмехнулась она. — Ты всё ещё держишь на меня обиду? Знаешь, сейчас мне так стыдно за то, как я с тобой поступала. Обманом удерживала рядом... Я ведь ничего не могла тебе дать, просто ослепла от твоей красоты и хотела единолично владеть тобой. Какая глупость... Разве можно запереть в клетке такого человека, как ты? Я только мучила тебя, а в итоге потеряла навсегда. Не стоило и мечтать. Но люди так устроены — вечно тянут руки к тому, что им не принадлежит и не по плечу. А в конце остаются у разбитого корыта.

Слова Мэриан увлекли Ли Шэнъаня обратно в туман былого. Картины прошлого вспыхивали в сознании одна за другой, яркие и пугающие.

Он помнил день, когда она впервые привезла его на свою виллу. Помнил бесконечные дни и ночи, когда она преданно ухаживала за ним. Помнил её пылкие клятвы и ту безумную, яростную первую ночь в постели. Помнил, как она скупила для него, кажется, половину книг в Гонконге, требуя, чтобы он учился. Помнил её звонкий смех, когда она натаскивала его перед выходом в свет, и ту гордость, с которой она вела его под руку на роскошных раутах. Всё это живо до сих пор.

Но ещё отчетливее он помнил другое. Те дождливые ночи, когда свистела плеть, раздирая его кожу в кровь. Искажённое злобой лицо Мэриан, её налитые кровью безумные глаза, пьяный визг и ярость. И ту пулю, след от которой навсегда остался у него на груди.

Всё это оставила ему женщина, сидевшая напротив. Мэриан первой сорвала с него розовые очки, показав всю низость и уродство этого мира, разверзнув пропасть между мечтой и реальностью. Она научила его понимать человеческую сложность и внутреннюю борьбу. И всё же он не испытывал к ней ненависти. Ведь именно благодаря ей он приобрел те бесценные знания, опыт и хватку, на которые у других уходят десятилетия.

Она была по-своему глубоко несчастна и заслуживала жалости. За один неполный год она без остатка отдала ему всё то, что сама копила тридцать лет. Мэриан была соткана из

противоречий, но в глубине души оставалась человеком — именно поэтому в тот роковой миг он заслонил её от выстрела. Он считал это своим долгом. Та пуля подвела черту под их безумным союзом: они оба понимали, что не смогут существовать в этом аду. Шэнъань просто хотел, чтобы она выжила. Просто жила дальше.

— Мэриан, — мягко произнес Ли Шэнъань. — Не вини себя. Я никогда тебя не ненавидел. Напротив, я искренне благодарен тебе. Ты протянула мне руку помощи в самый тяжелый момент моей жизни и многому научила. Так что забудь старые обиды. Всё это былем поросло. Я лишь хочу, чтобы ты была счастлива и жила в мире с собой.

— Ты всё такой же мягкосердечный, — печально улыбнулась Мэриан. — Энди, клянусь, я не встречала людей чище тебя. Знаешь, твоя доброта едва не изменила меня. В какой-то момент я всерьез хотела бросить всё и сбежать с тобой на край света. Ты был похож на ангела, спустившегося в мой личный ад, чтобы спасти меня.

Ли Шэнъань лишь грустно усмехнулся.

— Но не переживай, — поспешила успокоить его Мэриан. — Я не стану лезть в твою жизнь. Слышала, ты открыл свое дело? Безумно рада за тебя. Это именно то, что тебе нужно. Я тоже планирую начать всё с чистого листа, заняться бизнесом — как ты и советовал, нужно же оставить после себя хоть какую-то пользу. Надеюсь, мы сможем остаться друзьями. Если вдруг возникнут трудности — только шепни, я из-под земли достану всё, что нужно.

— Спасибо, — искренне улыбнулся Шэнъань.

Только сейчас Шэнъань окончательно расслабился. Мэриан всегда отличалась широтой души и прямоотой: раз уж пообещала не ворошить прошлое, значит, так оно и будет. А дружба... пожалуй, именно приятельские отношения подходили им лучше всего.

Шэнъань улыбнулся — открыто и тепло, словно мартовское солнце.

— Ли Шэнъань? — вдруг раздался резкий голос над ухом.

Они с Мэриан одновременно повернули головы.

Перед ними, скрестив руки на груди, стоял Лу Чжаньбай.

«Да что ж такое... — мысленно застонал Шэнъань. — От него вообще реально скрыться в этом городе?»

Шэнъань неловко покосился на спутницу. Мэриан разглядывала незваного гостя с явным любопытством.

— Ба, какие люди! Сам молодой господин Лу! — насмешливо протянула она. — Какими судьбами?

Лу Чжаньбай смерил Мэриан надменным взглядом. Сначала он хотел проигнорировать её, но, присмотревшись, изменился в лице. Краска бросилась ему в щеки, сменившись мертвенной бледностью, а затем его физиономия буквально потемнела от ярости — чистый актер из пекинской оперы в момент смены масок.

— Ты... Какого черта ты делаешь с этой девкой?! — взревел Чжаньбай, ткнув пальцем в сторону Мэриан.

— Что? — Шэнъань опешил от такого тона. Чжаньбай вел себя как базарная баба, застукавшая мужа на горячем. — Мы друзья. Почему нам нельзя видеться? — уже с раздражением спросил он.

— Друзья?! — Чжаньбая затрясло от гнева. — Ты снюхался с этой подстилкой?! Да ты совсем себя на помойке нашел, Ли Шэнъань!

Чжаньбай прекрасно знал, кто такая Мэриан — шлюха на побегушках у гонконгской мафии. Но главное, Лю Хао в пьяном угаре разболтал ему, что именно эта сука держала Шэнъаня взаперти, измывалась над ним и едва не отправила на тот свет, всадив пулю в грудь. От одной мысли об этом кровь бросалась Чжаньбаю в голову.

— Ты как рот свой разеваешь, ушлепок? — Шэнъань резко поднялся, опрокинув стул. Терпение лопнуло, наружу полезли многолетние уличные привычки. — Ты мне кто вообще такой, чтобы в мою жизнь соваться? Проваливай отсюда нахер, если что-то не нравится!

Ли Шэнъань еще никогда не разговаривал с ним в подобном тоне. Лу Чжаньбай мгновенно уверился: между этими двумя точно что-то есть. Да и шлюховатый вид этой бабенки говорил сам за себя.

— Ты совсем страх потерял?! — Чжаньбай окончательно слетел с катушек, в нем проснулся спесивый, привыкший к безнаказанности барчук. — Решил, раз я бегаю за тобой, то можно мне на шею сесть и ноги свесить? Да я тебя, сука, в порошок сотру! Быстро забудешь, как пасть разевать!

Он яростно взмахнул рукой. Из-за его спины коршунами выросли четверо дюжих телохранителей.

— Скрутите его! — приказал Чжаньбай, указывая на Шэнъаня.

Головорезы двинулись вперед, готовые выполнить любой приказ хозяина. Воздух в кофейне зазвенел от напряжения.

— А ну стоять, шелупонь! — ледяной голос Мэриан заставил всех замереть. — Кто тронет его — умою кровью.

Она хищным жестом затушила сигарету о ладонь, щелкнула пальцами, и тлеющий бычок со свистом полетел прямо в лицо Чжаньбаю. Один из телохранителей успел среагировать, на лету перехватив снаряд, но Мэриан уже вскочила на ноги, приняв боевую стойку.

— Ты еще что за шваль?! — взвизгнул Чжаньбай, взбешенный тем, что его едва не унизила какая-то баба. — Закрой рот, пока я тебе зубы не выбил!

— Кто я? — Мэриан презрительно сплюнула сквозь зубы. — А ты сам-то кто, щенок сопливый? Я с пятнадцати лет в Цим-Ша-Цуй кровью умываюсь, трупов повидала больше, чем ты за всю жизнь баб перетрахал! Твои четыре шавки для меня — так, разминка на два зуба. Будет надо — и сорок костей переломаю. Не веришь? Рискни.

С этими словами она легким, отточенным движением скользнула рукой в голенище высокого кожаного сапога и извлекла оттуда полуметровый сверкающий тесак. Сталь хищно блеснула в солнечных лучах. Мэриан небрежно завертела оружие между пальцами, и в её безумном взгляде промелькнуло нечто такое, от чего у Чжаньбая и его громил мороз пошел по коже.

Перед ними стояла настоящая психопатка, готовая пустить кровь прямо здесь, среди бела дня.

В голове Чжаньбая бешено завертелись шестеренки. Девка явно не блефовала — ствол или нож в сапоге в приличном кафе просто так не носят. К тому же Шэнъань сам дерется как демон. Четверым его амбалам против этой парочки ловить нечего. Захлебываясь от злости и бессилия, Чжаньбай не решился отдать приказ атаковать. Ему оставалось лишь сверлить Ли Шэнъаня полным ненависти взглядом.

Ли Шэнъань немного остыл. Он слишком хорошо знал Мэриан: если она достала оружие, бойня неизбежна. Допускать кровопролитие не хотелось. К тому же он успел изучить капризный нрав Чжаньбая — этот павлин удавится за свое уязвленное самолюбие, но с места не сойдет, пока окончательно не потеряет лицо.

— Уходи, Чжаньбай, — как можно спокойнее произнес Шэнъань. — Не устраивай цирк. Поговорим в другой раз, наедине. — После чего мягко положил ладонь на плечо Мэриан, вынуждая ту опустить тесак.

Видя пренебрежение Шэнъаня к своей персоне и то, с какой мягкостью он обращается с этой бешеной сукой, Чжаньбай окончательно обезумел от ревности.

«Каков подлец! Ну и неблагодарная же ты тварь, Ли Шэнъань! Как ты посмел так обойтись со мной? Клянусь, ты ещё горько пожалеешь об этом!»

С трудом сдерживая рвущийся наружу крик, Чжаньбай круто развернулся и стремительным шагом покинул кофейню, сопровождаемый молчаливыми телохранителями. Обида жгла его изнутри, требуя немедленной мести.

<http://bllate.org/book/18227/1758234>